

ОБЫЧНО только будущее опережает, что было главным, а что — второстепенным. Текущие события всегда одинаковы. Год 64-й — студенчество, занятия, общезнание, встречи, знакомства.

Во дворе Томского краеведческого музея до недавней поры стоял неказистый двухквартирный дом, одну комнату которого (а есть одну квартиру) всегда занимал сотрудник музея. В то время в ней обитал Владимир Терентьевич Коврижкин, выпускник исторического факультета, научный сотрудник музея. Мне он был незнаком, но я слышал, что это человек, что называется, с положительным зарядом, неподдельный патриот России.

Однажды весенним вечером перед публичной лекцией (а лекторий находился в том же здании, где музей) мой одноклассник Юра Ануфриев предложил мне раздеться не в общем гардеробе, где толпится народ, а у его приятеля Коврижкина.

В комнате, кроме хозяйина, было еще несколько человек, в том числе историк-любитель Алексей Кубышкин. В те времена ни со спиртным, ни с табаком проблем не существовало. Гастроном находился рядом с музеем — в комнате было накурено, все было навеселе и разговаривали на самые разные темы. Мне запомнилось то, что вскоре сбылось: Коврижкин неоднократно повторял, что срок, отведенный богом Никите Хрущеву, подходит к концу и далее начнется ужесточение во всех сферах жизни.

Больше я здесь не был. Прошло, вероятно, около года. Однажды приятель, с которым я, к тому же, ездил в этнографическую экспедицию и жил в одной комнате, Николай Томиллов, как бы между прочим мне сообщил, что вот с какой-то стати им заинтересовался комитет госбезопасности. И не только им, а еще Ануфриевым и братьями-близнецами Володи и Игорем Мицко. Мне показалось, он чего-то недоговаривает, да и не то было место для разговора — мы стояли под душем.

Оба брата Мицко жили в нашей же комнате, они были серьезными студентами-исследователями. Чаше чем положено в то время, братья говорили о «самостийной» Украине. Они с отцом были сосланы в таежные дебри Парабельского района уже в послевоенные годы. Отец-священник впоследствии вернулся на родину.

Прошел месяц-другой после нашего разговора, и вот из числа студентов были отчислены Ануфриев (пошел грузчиком на ламповый завод), Томиллов (призван в армию), в сферу производства ушли братья Мицко, уволен с работы Коврижкин. Ходили слухи о вмонтированном в подоконник подслушивающем устройстве. А точно было известно, что его соседка Валентина Краус, слышавшая через дощатую стену разговоры, донесла об этом.

В 66-м году я распределился на кафедру политэкономии политехнического института. Тула же были распределены выпускники Ленинградского университета В. Ивойлов и В. Веретеннов. Оба жили в комнате общезнания, и я к ним раза два-три заходил по совершенно безобидному делу: помогал осваивать нотную грамоту Веретеннову, который увлекся кларнетом. Парни мне нравились, особенно Ивойлов. Порядочность, открытость, к тому же, как и я, он был родом из Сибири, и это тоже располагало.

Зимой 67-го года я познакомил его с Ануфриевым, и как-то мы провели вечер втроем. Дальнейшие встречи были редкими и случайными. Однажды Ивойлов попросил помочь ему вынести вещи: выселяют. Тут я вспомнил, как накануне рядом мы сидели в научной библиотеке и иногда перебрасывались словами.

— Советская власть жестока, — оборонил он фразу. — Она не прощает даже тем, кто в борьбе мнений не прибегает к силе оружия.

Выселение происходило в спешке, состояние у всех было подавленное. Больше я его не видел.

В начале мая 67-го года меня вызвали в КГБ. Допрашивали двое. И

здесь чувствовалась какая-то спешка. От меня требовали устава той организации, к которой принадлежали Ивойлов и Веретеннов. Но я не знал ни устава, ни организации, и меня с богом отпустили.

Через некоторое время приехал из Ленинграда Ануфриев и сказал мне по секрету, что был он на закрытом суде по делу Всесоюзного христианского союза освобождения народов, членами которого являлись Ивойлов и Веретеннов.

— Ни за что парней посадили, обзаяний процесс устроили, — заключил он.

Вскоре училили мне пробурку на кафедре (тогда уже — философия) обивав в политическую близорукости, недостатке классовой чужды и так далее. В мою поддержку не было ни одного голоса. В лучшем случае не пришел на это собрание В. Ратницкий, выпускник философского факультета ЛГУ.

В конце марта 68-го года в субботу я оставил на кафедре портфель

амнистируют, простят, но тут ты погорел капитально.

Сейчас Олег (Альберт) Егоров занимает какой-то высокий пост и живет в Москве.

До осени я был на разных работах (бетонщиком в колхозах, баянистом). Ни в редакции, ни в школу не брали. В октябре пошел грузчиком в ремстройуправление областного торгового. А зимой 69-го года оказалось место в краеведческом музее. В январе я оформился на работу, а в феврале вдруг вызвал директор музея Ф. Миленко и сообщил, что вынужден меня уволить срочно.

— За что? — возмутился я.

— По секрету скажу, что председатель Ученого совета музея И. Разгон считает вас политически неблагонадежным.

Я оформился грузчиком в облкомторг, осенью уехал на север Тюменской области, где вел сбор этнографического материала среди хантов. В эту пору открылась проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этногра-

Организация практически занималась только вербовкой новых членов и распространением литературы (книжки и копии книг М. Дзялоса «Новый класс», Н. Бердяева, Вл. Соловьева, Г. Гауха «История Советской России», Т. Мерая «10 дней, которые потрясли Кремль» — о Венгрии 56-го года, М. Горького «Несвоевременные мысли» и другое).

Хотя КГБ еще в 65-м, в результате доноса (Александр Гидони) знал о существовании этой организации, только в феврале-марте 67-го года были арестованы или задержаны около 30 членов ВСХСОН, так же как и 30 кандидатов, готовых войти в объединение. В связи с этим делом были произведены обыски, начиная с Ленинграда и Москвы до Волгограда, Томска и Иркутска, острова Валаам и Шауляй в Литве.

В ноябре-декабре 67-го года четыре руководителя ВСХСОН были судимы при закрытых дверях (ст. 64, 70 и 72 УК РСФСР). Игорь Огурцов, «глава организации», был приговорен к 15 годам заключения (из них к 7 тюремного). Михаил Садо, «начальник личного состава», получил 13 лет (из них 3 г. тюрьмы). Евгений Вагин, «начальник идеологического отдела», и Борис Аверьякин, «хранитель материалов организации», получили по 8 лет каждый. От 14 марта до 5 апреля 68-го года также закрытым судом были судимы рядовые члены ВСХСОН, 17 из них получили от 10 месяцев (фактически время их предварительного заключения) до 7 лет. Самые тяжелые сроки получили четверо членов, отказавшиеся «раскаяться»: Вячеслав Платонов (7 лет), Николай Иванов, Леонид Бородин, Владимир Ивойлов (6 лет каждый). Владимир Веретеннов был приговорен к 2,5 годам.

Юрий Ануфриев был допрошен на суде в качестве свидетеля.

Из приговора В. Ивойлова: «Выехав на работу в город Томск, осенью 66-го — зимой 67-го годов продолжал антисоветскую деятельность: микрофильмовал реакционные книги Н. Бердяева «Философия свободы» и другие.

Установил из числа лиц, в прошлом совершивших политически вредные действия, связь с Ануфриевым, ознакомил последнего с некоторыми положениями программы ВСХСОН и в январе 67-го года свел его с подсудимым Бородиным...».

Из приговора В. Веретеннова: «Согласился при выезде в Ленинград получать и переправлять в Томск литературу из фонды ВСХСОН».

Следует отметить, что для большей дискредитации этой организации КГБ использовалась в качестве ее названия не ВСХСОН, а ВХСОР или ВХСОН, которые расформировались как «Военно-Христианский Союз Освобождения России (Народов)». Об этом сообщил Ануфриев по возвращении из Ленинграда. Кроме того, лично мне в 71-м году в «беседе» майор КГБ Давыдов говорил: «А вот Ивойлов и Веретеннов состояли в организации Военно-Христианский Союз — крест с пистолетом перепугали».

(В комментарии использованы материалы из книги «ВСХСОН» ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1975 г.).

*2. Пресловутые «кухонно-общезнательские» разговоры не прекратились и в этот период. Так как в сумбуре споров очень сложно было понять, кто говорит что, при конфронтации всех точек зрения, в конце концов, было принято решение: каждому из участников этих сборищ-собраний изложить свою концепцию письменно, затем обсудить каждую в отдельности. Далее планировалось скомпоновать «точки зрения» в виде самиздатского сборника.

Насколько помнится, Ануфриев был предложен написать о его понимании концепции «Русской идее», Мицкам — об украинском национализме, Мигалкину — о кибернетических моделях тоталитарных структур. Кулемзин, в общем-то, стоял в пессимистической оппозиции ко всем, что и нашло отражение в статье «Достойны ли мы свободы».

Изъятие рукописи и последовавшие за этим события (отъезд Мицкова, исчезновение из Томска Ануфриева, гонения на Кулемзина) нарушили все издательские планы.

Комментарии Игоря МИГАЛКИНА.

до понедельника, чтобы не таскать туда-сюда. В портфеле, кроме лекций, лежали книга по кибернетике, известное письмо Солженицына писателю съезду и небольшая моя заметка (в рукописи) под названием «Достойны ли мы свободы». В ней шла речь о том, что наши представления о свободном отечестве (в социальном, моральном смысле) — полное заблуждение и что несвобода в равной мере присуща и рабочему, и интеллигенту. Вероятно, текста было страниц 7—8.

Придя на кафедру, я обнаружил, что крышка портфеля обтроена, а зав. кафедрой А. Фурман стоит у окна, дышит на стекло и впервые за много понедельников не подает мне руки. Видимо, он только собирался как-то определить свое поведение в данной ситуации. Больше на кафедре никого не было. Внезапно он достал текст моей заметки и спросил, чей это почерк. Я признал, что мой, но не сказал, кому принадлежит пометки на полях. То были правки руки моего приятеля Игоря Мигалкина.*

Дня через три состоялся разбор моего поведения и разговор о соответствии занимаемой должности. Вел заседание Фурман, присутствовали А. Зельманов, К. Виниченко, А. Кузин, А. Петренко, Э. Бурмакин, М. Филиппов, В. Вахштановский А. Воробьев, присутствовал и зав. кафедрой политэкономии Ю. Нехорошев. Пришли к единому выводу: Кулемзин — политический противник, неизвестно как пошативший в здоровую среду кафедры. Мне приспичило статью 47 «в» КЗоТа (несоответствие занимаемой должности).

Состоялся у меня разговор и с моим знакомым Олегом Егоровым, тогда секретарем Томского обкома ВЛКСМ. Он сказал:

— Дурак ты, Владислав. Можно пить водку, убить человека — тебя

фин Сибири при университете. В июне 70-го я был оформлен туда на должность лаборанта, хотя в списках числился электромиком и зарплату получал какими-то сложными путями. Долгое время ощущал этот контроль потепленно, как мне кажется, по мере выхода в свет монографий, защиты диссертации. Однако первые публикации в областной газете на вполне безобидные темы проходили не под моей фамилией — под псевдонимом.

... Многие изменились за эти годы. Ю. Ануфриев теперь седовласый старец, и к нему более, чем в те времена, подходил прозвище Отец Онуфрий. Фурман и Разгон ушли в небытие. Ивойлов и Веретеннов на свободе, а их прежний шеф — зав. кафедрой Нехорошев — по-прежнему руководит кафедрой. С прежней твердостью и принципиальностью (теперь уже не на платформе КПСС, а на платформе демократов) настаивает студентом Виниченко.

Встретился недавно на улице человек из тех времен, когда я был грузчиком, мой напарник Петр Пасечник. Теперь-то я смог рассказать ему во всем объеме предысторию моего появления в бригаде. Выслушал он меня и нашел сказать только одно:

— Было бы болото, а черти заведутся.

Владислав КУЛЕМЗИН.

*1. Владимир Ивойлов и Владимир Веретеннов были членами, а Юрий Ануфриев кандидатом существовавшего в 64—67 годах, с центром в городе Ленинграде, «Всероссийского Социально-Христианского Союза Освобождения Народа» (ВХСОН) — «секретной надпартийной организации, основанной единомышленниками ради освобождения отечества от тоталитарного тоталитарного режима и установления социал-христианского строя» (Устав ВХСОН).